

Котов Петр Павлович

УДЕЛЬНАЯ ДЕРЕВНЯ ВЕЛИКОУСТЮГСКОГО УЕЗДА ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ И РЕФОРМА 26 ИЮНЯ 1863 ГОДА

В статье анализируется развитие удельной деревни Великоустюгского уезда Вологодской губернии от ее формирования до отмены крепостнических отношений. Основное внимание акцентируется на структуре крестьянского землепользования, оценке объемов и тяжести податей и повинностей. Охарактеризовано проведение и итоги реформы 26 июня 1863 года.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/5-4/29.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 5 (11): в 4-х ч. Ч. IV. С. 106-112. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/5-4/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Для характеристики форм идеального в культуре очень важно такое понятие как «превращенная форма». Существенный вклад в изучение этого феномена внёс М. К. Мамардашвили [1, с. 352]. «Превращенные объекты, - предупреждает М. К. Мамардашвили, - обладают особым рода существованием, несводимым к субъективным фикциям и иллюзиям сознания» [6, с. 318]. Из этого следует, что не только такие формы идеального в культуре как виртуальность, способы представленности рационального, смыслообразы «мужественности» и «женственности», но и все иные идеальные формы могут выступать как превращенные формы, в которых происходит замещение действительных отношений и взаимосвязей компонентов системы какими-то другими (воображаемыми, иррациональными, недействительными), фактических - косвенными.

Проблема идеального в культуре неисчерпаема. В её рамках возможно исследование языка, мышления, познания, человеческой деятельности, духовности, духа, души, общественного и индивидуального сознания, мировоззрения и религиозного сознания и других систем идеальной реальности бытия человека.

Список литературы

1. Бакулов В. Д. Социокультурные метаморфозы утопизма. Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 2003.
2. Брыкина Т. И. Сознание в мире: методологический, онтологический, социально-философский аспекты анализа. М., 1996.
3. Васильев В. В. Мозг и сознание: выходы из лабиринта // Вопросы философии. 2006. № 1. С. 67-77.
4. Воскобойников А. Э. Бессознательное и сознательное в духовном мире человека. М., 1997.
5. Ильенков Э. В. Диалектическая логика [Электронный ресурс]. URL: <http://bellabs.ru/Books/Dialogika/Dialogika-08.html> (дата обращения: 13.12.2010).
6. Мамардашвили М. К. Превращенные формы: о необходимости иррациональных выражений // Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию... М.: Прогресс, 1999.
7. Михайлов В. А., Михайлов С. В. Особенности развития информационно-коммуникативной среды современного общества. СПб., 2004.
8. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1997.
9. Сент-Дьердьи А. Введение в субмолекулярную биологию. М., 1964. С. 22.
10. Современный философский словарь / под общ. ред. В. Е. Кемерова. Изд-е 3-е, исправ. и доп. М.: Академический проект, 2004. 864 с.

FORMS OF IDEAL IN CULTURE

Lyudmila Fedorovna Kosenchuk

*Department of Philosophy
Taganrog Technological Institute
South Federal University
philosof@egf.tsure.ru*

The author reveals the content of the notion "forms of ideal" and also the role of ideal in culture development and pays special attention to the ways of the manifestation of such ideal forms as virtuality, rationality and sense images of "manliness" and "femininity" in culture during the process of objectivation-disobjectivation.

Key words and phrases: culture; ideal; material; form of ideal; objectivation-disobjectivation; virtuality; rationality; images of "manliness" and "femininity".

УДК 94.001.73."1797/1863"(470.1-22)

В статье анализируется развитие удельной деревни Великоустюгского уезда Вологодской губернии от ее формирования до отмены крепостнических отношений. Основное внимание акцентируется на структуре крестьянского землепользования, оценке объемов и тяжести податей и повинностей. Охарактеризовано проведение и итоги реформы 26 июня 1863 года.

Ключевые слова и фразы: удельные крестьяне; землепользование; земледелие; структура податей и повинностей; неземледельческие занятия; реформа удельной деревни.

Петр Павлович Котов, к.и.н., доцент
*Кафедра истории России, этнографии и археологии
Сыктывкарский государственный университет
kotovpetr55@mail.ru*

УДЕЛЬНАЯ ДЕРЕВНЯ ВЕЛИКОУСТЮГСКОГО УЕЗДА ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ И РЕФОРМА 26 ИЮНЯ 1863 ГОДА[©]

На протяжении многих веков основную часть населения России составляло крестьянство. Однако оно не являлись однородной массой населения, а подразделялось на различные категории. На Европейском Севере

страны преобладали государственные крестьяне. Не случайно в имеющихся изданиях аграрная часть истории региона представлена в основном примерами (далеко не полными) из жизни казенных крестьян. История удельной деревни остается мало изученной. О проживании удельных крестьян, например, в Великоустюгском уезде в лучшем случае лишь упоминается [8; 9].

Впрочем, данная категория сельских жителей появилась в России только в 1797 г., после изменения статуса дворцовой собственности. Они призваны были материально обеспечивать младших членов императорской семьи [12, т. 24, № 17906]. Их владения с течением времени изменялись за счет обмена или покупок земли и крестьян у казны и помещиков, в том числе и на Севере.

В сентябре 1804 г. удельное ведомство за 145 тыс. руб. ассигнациями (далее - руб. асс.) купило имение княгини Шаховской. Оно располагалось в Великоустюгском и Сольвычегодском уездах Вологодской губернии. Это частное владение появилось здесь в середине XVII в. К моменту сделки за вотчиной Шаховских числилось 26054 десятины земли (далее - дес.), 76 селений, 888 крепостных ревизских душ мужского пола и 1094 - женского пола (наличных - соответственно 968 и 1125 человек), 26 половников. Из названного числа селений в Великоустюгском уезде находились села Царевоконстантиновское и Вандокурское и 29 деревень, в которых проживало 476 ревизских душ мужского пола (далее - д. м. п.) [14, д. 13, л. 43-48; 16, д. 10, л. 2-27]. По VI ревизии (1811 г.) в уезде проживало уже 509 душ удельных поселян, по VII ревизии (1816 г.) - 519 душ, по VIII (1836 г.) - 585 и по X ревизии (1857-1858 гг.) - 694 душ. Таким образом, в 1805-1858 гг. население удельной деревни Великоустюгского уезда увеличилось на 218 душ, или примерно на 46% (в среднем менее 0,9% за год). При этом число селений сократилось с 31 до 25, или на 19%, что привело к росту людности удельных деревень и сел в уезде. Если в 1805 году здесь на одно селение приходилось в среднем около 15 д. м. п., то в 1858 году - примерно 28 д. м. п. [14, д. 13; 16, д. 10; 24, д. 2001, 2003, 2179, 2181, 2182, 2218].

Удельные владения в Великоустюгском уезде располагались в низовьях реки Сухоны. Верховным собственником этих владений, как уже говорилось, являлась царская семья, а управление осуществлялось через Министерство уделов, с 1826 г. - через Департамент уделов Министерства двора и уделов. На местах создавались удельные отделения и приказы, «начальствующий» штат которых (головы, старосты, писари и др.) избирался на крестьянских сходах из числа «удельных поселян», а затем утверждался чиновниками. Эти низовые подразделения объединялись до 1808 г. в удельные экспедиции, затем - в удельные конторы (имения). В границах бывшего имения княгини Шаховской на территории Великоустюгского и Сольвычегодского уездов в 1805 г. было создано Кузнецовское отделение, которое входило в Архангельскую удельную экспедицию, с 1808 г. - в Вологодскую удельную контору и с 1858 г. - в Вельскую удельную контору [10, с. 6-8; 14, д. 13-74].

Правовое положение удельных крестьян изначально не было четко определено. Оно регулировалось и изменялось по мере выявления неясностей или сомнений указами царя, Сената и ведомственными распоряжениями удела. До 1808 и после 1858 г. удельные крестьяне по своему правовому статусу приближались к государственным крестьянам, т.е. были существенно свободнее помещичьих крепостных. Именно в эти периоды удельные поселяне могли приобретать и продавать земли, движимое и недвижимое имущество в городах от своего имени, относительно свободно отлучаться из своих селений, производить раздел семей и имущества и др. По уголовным и гражданским делам они подлежали общим земским и волостным судам. С 1808 по 1858 г. правовое положение удельных крестьян начинает приобретать более явные крепостнические черты. В это время различные сделки по купле земельных угодий и имущества в городах крестьяне имели право оформлять только на удельное ведомство, а право продажи собственного имущества было отменено вовсе. Большинство судебных тяжб стала разбирать удельная администрация. Следствия по уголовным делам проводила земская полиция с обязательным участием удельных чиновников. Последние вели и все дела в судах. Крестьяне на судебные разбирательства не допускались и не имели права даже на наем своих поверенных. Крестьянам заметно ограничили право ухода на заработки. Удел стал активно вмешиваться не только в хозяйственные дела крестьян, увеличивать налоги, вводить другие крепостнические нормы, но и пытался регламентировать семейные отношения своих поселян. В частности, при разделении семей необходимо было выдержать определенные нормативы по численности работников, количеству земли, скота и т.д. и получить разрешение на подобные действия в удельной конторе [12, т. 24, № 17906, т. 30, № 23020; 14, д. 1-74, 130]. В результате это приводило к семейным конфликтам, самовольным разделам, вынужденному проживанию фактически самостоятельных семей под одной крышей (формально считаясь одной семьей) [3, д. 474; 13, т. 6, № 4677; 16, д. 786; 21, д. 282, 415, 611; 22, д. 9, 12, 13]. Так, в 1860 г. в удельной деревне Великоустюгского уезда было зафиксировано 169 семей (дворов), но они проживали в 156 домах [3, д. 413, л. 1 об. - 18].

Обобщая сказанное, подчеркнем, что с течением времени правовое положение удельных крестьян значительно изменялось. И нет сомнения, что на всем протяжении своего существования они составляли отдельную категорию феодально-зависимого населения, не смешиваясь с другими группами.

Считалось, что основой благосостояния удельных крестьян Великоустюгского уезда было сельское хозяйство. Однако уже на уровне оценки степени обеспеченности крестьян землей можно усомниться в безошибочности принятого вывода. Земельными угодьями удельные крестьяне уезда были обеспечены недостаточно. В архивных источниках сведения о размерах этих угодий за разные годы не много, но отличаются. Формально, как упоминалось, за имением княгини Шаховской числилось 26 054 дес. земли, из которых в Великоустюгском уезде было около 5,5 тыс. дес. Однако после покупки имения выяснилось, что в «безусловном владении» находилось только 2,5 тыс. дес., а примерно 14 тыс. дес. - в «спорном». Из спорных земель удел стал

требовать для своих крестьян 2982 дес. и в конце концов добился этого [24, д. 2001, 2003, 2179, 2181, 2182]. К началу отмены крепостного права в распоряжении удельных крестьян Великоустюгского уезда находилось 1880 дес. обрабатываемых угодий и 2577 дес. леса (Табл. 1). Кроме того, числилось еще около 1 тыс. дес. неудобной земли (озера, ручьи, болота и тому подобные участки) [Там же, д. 2182, л. 7 об. - 8]. В дальнейших подсчетах эта земля не будет учитываться. Таким образом, основная часть удобных земельных владений Кузнецовского отделения располагалась на территории Сольвычегодского уезда (2919 дес. обрабатываемых земель, или около 61%, и 14551 дес. леса, или примерно 85%). Поэтому здесь накануне реформы на одну ревизскую д. м. п. приходилось 4,6 дес. усадьбы, пашни и сенокоса [Там же, л. 1 об. - 8], в удельной деревне Великоустюгского уезда - всего 2,7 дес. (Табл. 1).

Таблица 1.

Землепользование удельных крестьян Великоустюгского уезда накануне реформы 1863 года (в дес.) [24, д. 2181, л. 1 об. - 8; 25, д. 97, л. 4-56]

Волости (сельские общества)	Усадьба		Пашня		Сенокос		Лес		Всего	
	абс.	на душу	абс.	на душу	абс.	на душу	абс.	на душу	абс.	на душу
Царевоконстантиновская	4	0,02	253	1,3	238	1,2	746	3,7	1241	6,2
Вандокурская	8	0,04	176	0,9	342	1,8	694	3,7	1220	6,4
Удимская	6	0,03	172	0,9	218	1,2	702	3,7	1098	5,8
Кузнецовская	6	0,05	219	1,9	238	2,0	435	3,7	898	7,7
Итого по уезду	24	0,03	820	1,2	1036	1,5	2577	3,7	4457	6,4

Правда, пашней удельные крестьяне в обоих уездах были обеспечены примерно одинаково. К 1863 году в целом по Кузнецовскому отделению на 1 ревизскую д. м. п. приходилось 1,1 десятины пашни (Табл. 1), а на территории Великоустюгского уезда - 1,2 десятины [Там же].

Земельные наделы между удельными селениями и волостями Великоустюгского уезда распределялись неравномерно (Табл. 1). Здесь стоит отметить один факт. Удельные приказы и отделения подразделялись еще и на волости (после реформы 1863 года первые будут переименованы в волости, а собственно волости - в сельские общества по образцу государственной деревни). Эти волости (сельские общества) действовали на принципах самоуправления и представляли собой крупные крестьянские общины. Основная задача их заключалась в регулировании двух, на первый взгляд, не связанных между собой проблем: полный и своевременный сбор налогов и податей и перераспределение пашенных угодий. В рамках таких волостей производилось уравнительное перераспределение пашни. Переделы еще с конца XVIII века были всеобщими и обязательными [1, с. 103; 22, д. 806, л. 17-20]. Эта операция подразделялась на ряд этапов и проходила через каждые 5-10 лет. Вначале на волостном сходе с учетом площади пашни и ревизских д. м. п. определялся душевой надел в среднем по волости. Затем к селениям, в которых душевые наделы получались меньше, чем в среднем по волости, «отписывалась» соответствующая часть пашни от «многоземельных» селений. Между такими деревнями расстояние могло достигать десятка верст. Но таким образом душевые наделы уравнивались по всем селениям конкретной волости.

На этом процедура «уравнительности» не заканчивалась. На последнем этапе в рамках селений (сельских общин) пашня вновь перераспределялась, но уже между дворами. Здесь с учетом экономического состояния двора (число работников, наличие рабочего скота и инвентаря и других обстоятельств) крестьянские семьи и получали пашенные угодья. Их размеры могли быть в 3/4, 1/2, 2 1/3 и т.д. надела, который именовался «душой». В зависимости от размера надела и определялись размеры податей и налогов, других денежных сборов и объемы выполнения натуральных повинностей каждого двора [14, д. 1-74; 22, д. 806, 807]. При такой практике «уравнильных» переделов земли конкретный двор, например в «многоземельной» Кузнецовской волости, вполне мог иметь меньше пашни, чем другой двор в «малоземельной» Удимской волости. С другой стороны, становится невозможным определение тенденции обеспеченности пашней каждого двора. Эту обеспеченность можно фиксировать лишь за определенный период времени. Позднее она могла меняться в силу изменений экономического состояния той или иной семьи и решений волостного и сельского сходов. Поэтому общая оценка пашенного землепользования может быть только из расчета среднедушевых наделов. Последние в удельной деревне Великоустюгского уезда в течение первой половины XIX века ни по одному из выявленных источников не превышали 1,5 десятины.

По всем выявленным в источниках годам первой половины XIX в. посеvy зерновых хлебов в удельной деревне Великоустюгского уезда были достаточно стабильны и составляли ежегодно около 0,40 четверти на человека. Примерно такие же показатели посевов наблюдались в целом по уезду и по всему Кузнецовскому отделению. Совпадали и показатели чистых душевых сборов хлебов, которые в среднем по разным периодам колебались от 1 до 1,5 четверти. Минимальная норма потребления зерновых составляет 2,5 четверти на человека в год. Поэтому удельные крестьяне Великоустюгского уезда обеспечивались своим хлебом примерно на 40-50% [5, д. 31; 6, д. 410, 493, 507, 519, 524; 18, д. 55-69; 19, д. 415-419, 1954, 1961, 1966, 1972; 27, д. 2611; 28, д. 1876].

Конечно, частично крестьяне компенсировали недостаток зернового хлеба за счет огородных культур: редьки, капусты, моркови, свеклы, брюквы, лука, огурцов и некоторых других овощей. Часть огородных культур, особенно лука, крестьяне производили даже на продажу [14, д. 1-74; 15, д. 83, 84].

Еще в XVIII в. в Великоустюгском уезде отмечались посадки картофеля. В 1841 г. удел «предписал» обязательную посадку картофеля для крестьян в размере не менее 15 сажень на рабочую душу. Несмотря на все усилия ведомства, широкого распространения новая культура не получила. В среднем за 1852-1857 г. в Кузнецовском отделении его чистые душевые сборы равнялись 0,08 четверти [18, д. 55-58, 61, 69], т.е. картофель выращивался в небольших объемах и оставался огородной культурой. Его посадки значительно уступали объемам посевов репы, которая культивировалась во многом как полевая культура.

Некоторым подспорьем в пропитании крестьян служили лесные продукты. Из ягод более всего заготавливалось брусники, из грибов - волнушек, хотя довольно значительными были сборы груздей и рыжиков [14, д. 1-74; 15, д. 83, 84; 18, д. 69, 76, 89, 4298; 19, д. 1954, 1961, 1966, 2070, 2074].

Важную долю продуктов питания удельные крестьяне Великоустюгского уезда получали от скотоводства. Однако и здесь заметной товарной продукции не было. К этому выводу нас склоняют и общие оценки состояния скотоводства, которые многократно повторяются в источниках, и данные о количестве скота. Так, в 1857 году на 100 ревизских д. м. п. Кузнецовского отделения приходилось 40,6 лошади, 83,4 коровы и 91,2 головы мелкого скота (в основном овец), в 1863 году - 34,6 лошади, 78,6 коровы и 75,7 головы мелкого скота [24, д. 2218, л. 1 об. - 2, д. 2270, л. 1 об. - 2].

Представленные нами материалы свидетельствуют, что земледелие, скотоводство, огородничество, сборы грибов и лесных ягод далеко не обеспечивали прожиточный минимум удельных крестьян Великоустюгского уезда на всем протяжении первой половины XIX века. Крестьяне, на наш взгляд, главные средства для существования получали за счет промыслов и отходничества. При этом основная доля неземледельческих занятий была связана с эксплуатацией леса [7, д. 341; 14, д. 1-74; 18, д. 658, 764; 19, д. 498; 20, д. 6-90].

В удельной деревне Великоустюгского уезда сложился достаточно отлаженный механизм жизнеобеспечения, который органично включал в себя как сельскохозяйственные, так и неземледельческие занятия. Он обеспечивал не только жизнедеятельность удельной деревни уезда, но и своевременную выплату налогов.

Удельные крестьяне, как и другие податные группы населения России, выплачивали различные денежные подати и выполняли многочисленные натуральные повинности. Денежные выплаты подразделялись на общегосударственные, сословные (ведомственные), земские и местные. В рамках последних двух крестьяне отработывали натуральные повинности: дорожную, подводную, почтовую, квартирную, ремонтировали и охраняли приказные избы, школы, сопровождали рекрутов и арестантов. Кроме этого, крестьяне пополняли армию путем выставления рекрутов, проводили весь цикл работ на общественной запашке и выполняли другие виды отработок. В течение времени проявлялась тенденция увеличения денежных податей. В некоторой степени это происходило и за счет стремления крестьян заменить натуральные повинности денежными сборами, чтобы не отрывать рабочие руки от своего хозяйства. До начала 1850-х гг. удел противодействовал такой практике, но полностью не смог ее пресечь [2, д. 657; 4, д. 208; 6, д. 185, 1245, 1728; 7, д. 30, 116, 281, 353; 14, д. 1-74; 17, д. 321, 526, 647, 919, 920; 21, д. 1023].

С другой стороны, казна и удельное ведомство пытались увеличить доход от удельной деревни. Однако крепостнические порядки не позволяли заметно поднять крестьянскую экономику и, как следствие, существенно увеличить подати. Это обстоятельство в полной мере отразилось на эволюции денежных выплат в пользу собственника удельных крестьян. Обратиться подробнее к ним необходимо, потому что они лежали в основе расчетов выкупных платежей после отмены крепостного права для удельных крестьян.

Оброк к моменту покупки имения княгини Шаховской в 1805 г. для удельных крестьян Вологодской губернии равнялся 4,08 руб. асс. с души. При этом бывшие крестьяне княгини Шаховской были «оставлены» на прежнем семирублевом оброке. Лишь в 1824 г. оброчная подать со всех удельных «поселян» Вологодской губернии стала одинаковой. Эта подать в 1840 г. была определена в 2,29 руб. серебром (далее - сер.) и в 1843 г. увеличена до 2,58 руб. сер. [14, д. 2, 21, 31; 22, д. 806, 832, 2017; 23, д. 128; 25, д. 97].

Однако с 1842 г. в удельной деревне Великоустюгского уезда из 585 д. м. п., учтенных по VIII ревизии, лишь 316 (54%) были оставлены на удельном оброке. Остальные 269 душ (46%) были переведены на поземельный сбор. Он определялся по достаточно сложной системе, при которой учитывались доходность пашни, сенокоса и усадебных угодий, отдаленность селений от городов и другие обстоятельства [10, с. 67-69]. Если полученный таким образом поземельный сбор превышал удельный оброк, крестьян того или иного селения переводили на новую систему налогообложения, если не превышал, то оставляли «на прежнем основании». Поземельный сбор не являлся подоходным налогом. Он рассчитывался во многом произвольно и недаром великим русским словесником В. И. Далем был назван «залицованным обманом» [18, д. 4267, л. 1 об.]. Ведь на самом деле та часть крестьян, которую оставляли на оброчном окладе, должна была платить меньше. Так, по расчетам поземельного сбора в деревне Соколя Горка Великоустюгского уезда доход в пользу удела получался примерно по 1,81 руб. с ревизской души [18, д. 3877, л. 73 об.; 23, д. 128, л. 36 об.]. Крестьян же оставили на оброчном окладе в 2,29 руб., а с 1843 г. - даже в 2,58 руб. В дальнейшем размеры поземельного сбора предполагалось определять после ревизии. Однако все «прибылые» души в удельной деревне Великоустюгского уезда Вологодской губернии были оставлены на оброчном окладе, т.е. удельный доход увеличивался только за счет прироста населения.

Как свидетельствуют материалы Табл. 2, после X ревизии в удельной деревне Великоустюгского уезда на поземельном сборе находилось по-прежнему 269 душ, правда, их доля составляла уже около 38,8%. По волостям уезда доля крестьян, выплачивающих поземельный сбор, была разной. Если в Царевоконстантиновской волости 160 душ, или 79,6% крестьян, платили этот сбор, то в Вандокурской волости все поселяне оставались на оброчном окладе. С другой стороны, для крестьян Удимской волости поземельный оклад составлял 2,88 рубля с души, для крестьян Кузнецовской волости - 3,58 рубля (Табл. 2).

Таблица 2.

**Денежные оклады в удельной деревне Великоустюгского уезда
в 1850-х - 1860-х гг. [25, д. 97, л. 4-45]**

Волости (сельские общества)	Оброчный оклад, руб.			Поземельный оклад, руб.		
	душ	сумма	на душу	душ	сумма	на душу
Царевоконстантиновская	41	105,78	2,58	160	489,67	3,06
Вандокурская	187	482,46	2,58	-	-	-
Удимская	157	405,06	2,58	32	92,08	2,88
Кузнецовская	40	103,20	2,58	77	275,31	3,58
Итого по уезду	425	1096,50	2,58	269	857,06	3,19

В начале 1850-х гг. в Вологодском удельном имении был введен еще один налог в пользу ведомства - «десятинный сбор». Он составлял одну копейку с десятины учтенной тягловой земли (включая общественную запашку) [7, д. 30, 281, 353]. «Десятинный сбор» был невелик - в 1860 году по Кузнецовскому отделению он составил всего 39 руб. 54 коп., или примерно по 3 коп. с ревизской д. м. п. [3, д. 413, л. 7 об. - 8].

В 1805-1810 гг. душевой удельный оброк (в пересчете на серебряный номинал) в Великоустюгском уезде составлял 3,59 руб.; в 1811-1823 гг. - около 1,74 руб.; в 1824-1839 гг. - 2,17 руб.; в 1840-1841 гг. - 2,36 руб.; в 1842- 1849 гг. - 2,78 руб.; в 1850-1857 гг. - 2,75 руб. и в 1858-1863 гг. - 2,55 руб. [14, д. 2, 21, 31; 22, д. 806, 832, 2017; 23, д. 128; 25, д. 97]. Таким образом, удельное ведомство так и не смогло поднять свой реальный доход за счет крестьян Великоустюгского уезда.

Иначе, на наш взгляд, и быть не могло. Удельная деревня находилась в кризисе. Даже для удельных чиновников стали понятны пагубность и бесперспективность старых порядков. Кроме того, после отмены крепостного права в помещичьей деревне в 1861 г. царской семье было уже «неудобно» сохранять своих крепостных.

26 июня 1863 г. царь подписал указ о проведении реформы в удельной деревне по образцу Манифеста и Положения от 19 февраля 1861 г. Однако массовые протесты удельных крестьян России вынудили правительство смягчить некоторые статьи названного Положения. В частности, для расчета выкупных платежей в удельной деревне отменили пресловутую «градацию повинностей» и крестьян сразу переводили на выкуп, минуя «временнообязанное положение» [11, с. 21-29].

И все же крепостническая основа в реформе 1863 г. осталась. Касалось это, прежде всего, принципов наделения крестьян землей и выкупной операции. Удельные крестьяне получали наделы исходя из числа душ по X ревизии, то есть по результатам переписи 1857-1858 гг. При этом наделы земли предоставлялись раз и навсегда, без учета «прибылых» душ в будущем. Так, в удельной деревне Великоустюгского уезда земля была предоставлена на 694 души (реально было около 750 д. м. п.), и в 1897 году она перераспределялась уже на одну тысячу душевых наделов [26, д. 219, л. 54-55].

С точки зрения удела, в ходе реформы 1863 г. изменения в землепользовании удельных крестьян Великоустюгского уезда произошли незначительные. У них были отрезаны 8 дес. пашни и 23 дес. сенокосов, прирезано 2 дес. пашни и 1 дес. сенокосов [24, д. 2181, л. 1 об. - 8; 25, д. 97, л. 4- 56]. Кроме того, удельное ведомство еще в 1862 г. изыало в свою пользу уголья общественной запашки [11, с. 22].

После реформы 1863 г. в Царевоконстантиновском сельском обществе душевые наделы составили 2,5 дес., в Вандокурском - 2,8 дес., в Удимском - 2,1 дес., в Кузнецовском сельском обществе - 4,0 дес. и в среднем по уезду - 2,7 дес. [25, д. 97, л. 4-56]. Сравнение этих данных с данными Табл. 1 показывает, что произошло уменьшение наделов. В результате реформы изменилась структура земельных наделов. Самое главное, удельные крестьяне Великоустюгского уезда потеряли леса. Им предоставили только 30 дес. «дровяных и кустарных зарослей», т.е. такой лесной площади, где на одной десятине росло не более 15 строевых деревьев [13, т. 38, № 36792; 23, д. 1849, л. 40 об.]. Удел же оставил себе 2 547 дес. полнокровных лесных владений.

Потеря лесных угодий для удельных крестьян Великоустюгского уезда являлась, по сути, крахом для отлаженной системы хозяйствования. До реформы крестьяне имели право бесплатно заготавливать дрова, жерди, определенное количество строевых деревьев (последние сверх нормы рубились по льготной цене), охотиться, собирать грибы и ягоды, организовывать «лесные промыслы». В лесу они заготавливали сено (собственно сенокосов было мало) и пасли скот (пастбищ и выгонов для скота как таковых на Севере не было). Причем, все это практиковалось не только в удельных, но и в казенных лесах. Государство следило лишь за тем, чтобы не было масштабных самовольных порубок и поджогов лесных массивов.

После реформы 1863 г. описанная практика лесопользования для бывших удельных крестьян Великоустюгского уезда была чрезмерно усложнена. Отныне удел предлагал крестьянским обществам брать лесные дачи в «срочное пользование и ответственное охранение» на 40 лет. В случае заключения контракта

крестьяне несли полную ответственность за все самовольные порубки и пожары на арендуемых участках. Кроме того, ежегодно взималось по 8 коп. с одной десятины леса, за выпас с крупной головы скота - 15 коп., с мелкой - от 5 до 8 коп., за определенное количество дров, жердей и кольев - 76 коп. с домохозяина, вводилась особая плата за вырубку строевых деревьев [23, д. 1956, л. 9].

Выкупные платежи по реформе 1863 г. рассчитывались, как указывалось, исходя из удельного оброка крестьян, тогда как землепользование урезалось, т.е. налоговый пресс существенно возрастал. Общая сумма выкупных платежей для удельных крестьян Великоустюгского уезда была определена в 32559,32 руб. сроком на 49 лет, что составляло около 46,92 руб. с ревизской д. м. п. [25, д. 97, л. 4-45; 26, д. 219, л. 54-55]. С учетом изложенного, вполне объяснима была реакция крестьян на свое «освобождение». В удельной деревне Великоустюгского уезда ни одна из четырех уставных грамот (документ на право владения землей и взимания выкупных платежей) не была крестьянами подписана.

Уже в ходе проведения реформы 1863 г. от удельных крестьян Великоустюгского уезда «посыпались» многочисленные жалобы в различные инстанции [23, д. 1849, 1852, 1953, 1956; 26, д. 219]. Крестьяне и «слезно» просили, и решительно требовали дополнить надел хотя бы до 5 дес. за счет угодий из-под общественной запашки, сенокосов и лесов. Жалобы и прошения продолжались в течение десятилетий. Так, весной 1898 г. крестьяне Удимской волости писали начальнику Главного управления уделов князю Вяземскому: «Надел от удела по 2 дес. едва ли обеспечивает наше содержание на полгода, а домашний скот можно пропитать только один рабочий и то в крайне ограниченном количестве, и ввиду этого экономическое наше хозяйство с каждым годом упадет». Далее ходоки просили увеличить наделы, приводя в пример наделение землей государственных крестьян в размере по 15 дес., включая лес. Резолюция князя была уже к этому времени стандартной: «...бесплатно нельзя давать, только продать» [26, д. 219, л. 98 об.].

В конечном итоге 1 августа 1898 г. Николай II подписал распоряжение о продаже крестьянам части удельных земель. Бывшим удельным крестьянам Великоустюгского уезда предполагалось продать 453 дес. сенокоса, 1124 дес. леса, 449 дес. для расчистки под пашню и 91,5 дес. «прочих угодий» [Там же, л. 54-55]. Однако на практике передача этих владений затянулась до революции 1905-1907 гг., в ходе которой были отменены и выкупные платежи. На короткое время крестьяне вздохнули свободнее, но далее начались новые испытания - Первая мировая война, Февральская и Октябрьская революции 1917 г., коллективизация и фактическое уничтожение северного крестьянства.

Список литературы

1. **Воронцов В. В.** Простая община удельных крестьян // Русская мысль. 1899. № 7. С. 101-154.
2. **Государственный архив Архангельской области (ГААО).** Ф. 1. Оп. 3.
3. **Там же.** Ф. 925. Оп. 2.
4. **Государственный архив Вологодской области (ГАВО).** Ф. 14. Оп. 3.
5. **Там же.** Ф. 17. Оп. 1.
6. **Там же.** Ф. 18. Оп. 1.
7. **Там же.** Ф. 740. Оп. 5.
8. **История северного крестьянства.** Архангельск: Северо-западное книжное изд-во, 1984. Т. 1. 432 с.
9. **Там же.** 1986. Т. 2. 385 с.
10. **Котов П. П.** Удельные крестьяне Севера. 1797-1863 гг.: учебное пособие по спецкурсу. Сыктывкар: Сыктывкарский ун-т, 1991. 80 с.
11. **Котов П. П.** Хозяйство удельных крестьян Севера середины XIX века // Хозяйство северного крестьянства в XVI-XX вв. Сыктывкар: Пермский ун-т, 1987. С. 21-29.
12. **Полное собрание законов Российской империи.** СПб., 1830. Собрание I. Т. 1-45.
13. **Там же.** СПб., 1830-1884. Собрание II. Т. 1-55.
14. **Российский государственный исторический архив (РГИА).** Ф. 515. Оп. 1.
15. **Там же.** Оп. 5.
16. **Там же.** Оп. 7.
17. **Там же.** Оп. 9.
18. **Там же.** Оп. 10.
19. **Там же.** Оп. 12.
20. **Там же.** Оп. 13.
21. **Там же.** Оп. 15.
22. **Там же.** Оп. 16.
23. **Там же.** Оп. 34.
24. **Там же.** Оп. 71.
25. **Там же.** Оп. 74.
26. **Там же.** Оп. 78.
27. **Там же.** Ф. 1253. Оп. 1.
28. **Там же.** Ф. 1287. Оп. 2.

APPANAGE VILLAGE OF VELIKII USTYUG DISTRICT OF VOLOGDA PROVINCE
AND REFORM OF THE 26TH OF JUNE 1863

Petr Pavlovich Kotov, Ph. D. in History, Associate Professor
Department of Russian History, Ethnography and Archeology
Syktvykar State University
kotovpetr55@mail.ru

The author analyzes the development of appanage village of Velikii Ustyug district of Vologda province from its formation to serfdom abolition, pays special attention to the structure of peasant land use and the estimation of volumes and burden of duties and obligations and characterizes the implementation and outcomes of the reform of the 26th of June 1863.

Key words and phrases: appanage peasants; land use; agriculture; duties and obligations structure; non-agricultural activity; appanage village reform.

УДК 008:316.722

Данная работа посвящена проблеме кризиса религиозной культуры в индустриальном обществе. Автор рассматривает механизмы взаимной трансляции друг другу своих «ценностей» христианского мировоззрения и индустриального общества. В заключении автор приходит к выводу, что указанные процессы обусловили как положительные, так и отрицательные проявления индустриальной культуры, которые проделали путь от секуляризационных установок до десекуляризационных тенденций.

Ключевые слова и фразы: культура; секуляризация; индустриальное общество; религия; трансформация; консерватизм; традиция; кризис.

Анатолий Геннадьевич Кошкар

Кафедра отечественной истории и методики преподавания истории
Кузбасская государственная педагогическая академия
koshkaroff@mail.ru

МЕХАНИЗМЫ РАСПАДА И СОХРАНЕНИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ КУЛЬТУРЫ
В ИНДУСТРИАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ[©]

Индустриальное общество способствовало кардинальному переосмыслению жизни европейского социума в его культурно-исторических, социально-экономических и политических перспективах. Со сменой Средневековой эпохи на эпоху Возрождения в Европе произошли изменения, связанные с переустройством правящих политических сил, культурных перераспределений и религиозных установок. Эти изменения и являются центром внимания в представленной статье.

Дадим определение индустриальному обществу.

Индустриальное общество - это общество, в основе своей содержащее общий язык и культуру, сосредоточенную на умножении материальных благ, путем урбанизации, распространения грамотности, расширения избирательных прав населения, применения достижений науки во всех сферах общественной жизни. Это общество, в котором действует развитая и сложная система разделения труда при высокой степени его специализации.

Период поздней Античности и Средние века знаменовались становлением и развитием христианства. Это время процветания традиционного доиндустриального общества. В этом обществе, где природные процессы, такие как смена времен года, календарные сельскохозяйственные мероприятия: возделывание земли, сеяние семян, высадка саженцев и многое другое, ориентировали человека рассматривать мир сквозь призму живых образов, окружающей его природы.

Религиозная жизнь и участие в ней посредством церковного круга богослужений гармонично ассоциировала человеческое существование как часть этих природных процессов, которые, в конечном счете, давали и церковным проповедникам повод находить в возделывании земли, сеянии семян и росте всяких растений конкретные параллели единения человека с Богом. Наблюдение за природными процессами, непосредственное соприкосновение с землей и ее «дарами», контролирование агрокультурных процессов раскрывали перед человеком видение себя как части природных процессов, над которыми промыляет Бог. М. Хайдеггер заметил, что патриархальный крестьянский быт имеет «особый опыт пространства, который осуществляется в игре четырех начал: божественного и смертного, земного и небесного. Вместилищем такого пространства является дом, храм, поле» [9, с. 413-414]. Такое представление гармонично вписывалось в христианское представление о провиденциальности, характерное как для православия, так и для католицизма. С той